
ТАИСИЯ ЯСЕНЕВА
Травница
из Чёрного леса

Таисия Ясенева

Травница из Черного леса

«Автор»
2026

Ясенева Т.

Травница из Черного леса / Т. Ясенева — «Автор», 2026

Чёрный лес не прощает долгов, а его корни пьют только живую кровь.Восемь лет травница Мирослава живёт на самой Меже, между суеверным ужасом деревни и голодной темнотой древней Пущи. Она знает, как вытянуть яд из раны, как утихомирить лесную нежить солью и почему после заката под кронами нельзя называть своё имя. Её единственная цель — накопить серебра и сбежать к морю, подальше от проклятого леса и костров инквизиции.Но всё рушится, когда из чащи выходит умирающий княжеский сотник Ратмир — единственный выживший из разгромленного обоза, в жилах которого пульсирует чёрная скверна. Чтобы спасти воина и остановить фанатиков Очищающего Пламени, решивших выжечь Пущу дотла ради скрытого под корнями серебра, Мирославе придётся нарушить главный завет наставницы.Ей предстоит войти в сердце мёртвого леса, заплатить за каждый шаг самую дорогую цену и узнать правду о своей крови — прежде чем древняя Бездна вырвется наружу.

© Ясенева Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Закон Межи 5
Глава 1. Горький корень и чёрная кровь 7
I 7
II 9
III 11
IV 13
Глава 2. Огонь и пепел Белого Острога 15
I 15
II 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Таисия Ясенева
Травница из Черного леса

Пролог. Закон Межи

Деревья впереди ломались с сухим, пушечным треском, будто сухая лучина под сапогом.

Чёрный лес выплёвывал наружу зверя. Сквозь запах прелой хвои и ночной сырости ударил в ноздри тяжёлый, удушливый дух — палёной щетины, гниющего мяса и звериной ярости, от которой сводило скулы. Земля под лаптями мелко задрожала, посыпалась с корней сухая глина.

— К камню! — рявкнула Велена, и голос её, обычно скрипучий, как несмазанная телега, прорезал лесной гул, словно удар топора. — Держи строй, девка, не пяться!

Шестнадцатилетняя Мирослава вжалась спиной в холодный, поросший лишайником бок пограничного валуна. Пальцы сводило от напряжения, но левая рука уже нащупала в поясном мешке шершавую, тугую холстину. В ней покоился сушёный спорыш, перетёртый с золой грозового дуба и серой.

Из-за стволов вымахнула туша — огромная, размером с доброго воза, вся в бурых струпьях и вздыбленной дыбом щетине. Вместо глаз у вепря горели две мутные, налитые чёрной сукровицей щели, а из пасти, обвешанной клочьями пены, торчали кривые, обломанные клыки. Скверна выела зверю разум, оставив только слепую, голодную злобу.

Вепрь не бежал — он пёр напролом, сбивая грудью молодые сосенки и вспарывая копытами мёрзлый дёрн. До межи оставалось саженей пять. Переступит за валун — и к утру от Гнилого Брода останутся одни обугленные брёвна да растерзанные тела.

— Бей! — выдохнула наставница.

Мира размахнулась и швырнула мешочек прямо под передние копыта чудовища.

Ткань лопнула о камень. Вспыхнуло — ослепительно, до режущей боли в глазах, до чёрных пятен под веками. В нос шибануло резким, едким озоном, как перед самым ударом молнии. Вепрь взвизгнул так, что заложило уши, споткнулся ослеплённый, зарылся рылом в землю, взметнув тучу прелой листвы и искр.

И в ту же долю вдоха мимо Миры мелькнула тёмная тень.

Велена двигалась страшно — не по-старушечьи, а резко, ломано, будто сама лесная коряга ожила и бросилась в атаку. В её скрюченных, сухих пальцах блеснул тусклый, желтоватый полумесяц костяного серпа. Старуха ушла в сторону от слепого удара клыков, пригнулась почти до самой земли и с глухим кряхтением всадила клинок зверю под лопатку — по самую рукоять, упёршись плечом, вваливая всю свою старческую, жилистую силу в этот удар.

Хрустнуло ребро. Из раны хлынула не алая кровь — густая, чёрная жижа, воняющая тухлой хвоей. Вепрь дёрнулся, сбив Велену с ног, но старуха не выпустила серп, повисла на нём, разворачивая тушу, вдавливая её боком в шершавый гранит межевого камня. Ещё рывок, ещё хриплый выдох зверя — и громадина рухнула на землю, судорожно скребя копытами мёрзлый мох, а потом затихла, только чёрная пена пузырилась у кривых клыков.

Тишина обрушилась на просеку разом — тяжёлая, звенящая в висках. Слышно было только, как со свистом дышит Велена да трещат в темноте догорающие искры спорыша.

Мира хотела шагнуть к наставнице, протянуть руку, но старуха подняла ладонь, останавливая её. Лицо у Велены в лунном свете казалось вырезанным из старой кости — ни кровинки, только глубокие тени в провалах щёк.

— Рано радуешься, — просипела она, поднимаясь с колен. — Он первый. За ним другие попрут. Надо запечатать.

Не выпуская костяного серпа, Велена полоснула остриём по собственной левой ладони. Кровь выступила сразу — тёмная, горячая. Старуха прижала рассечённую руку к холодной поверхности валуна, прямо поверх выбитого на камне древнего знака, и зашептала быстро, сбивчиво, на старом, забытом языке корней, от которого у Миры заломило зубы.

Но вместо того чтобы впитаться в серый гранит, кровь зашипела.

Будто плеснули водой на раскалённый в горне лемех. С камня повалил густой, едкий чёрный дым. Велена дёрнула руку назад, стиснув зубы до скрежета — ладонь её обожгло, кожа пошла багровыми волдырями.

— Не берёт... — выдохнула ведьма, и впервые за всё время, что Мира её знала, в голосе старухи прозвучал не гнев, а глухой, ледяной ужас. — Граница больше не держит. Моей крови мало.

Из-за стелющегося по земле белёсого тумана, там, где деревья стояли стеной, донёсся мягкий, почти неслышный перестук копыт.

Мира вскинула голову — и дыхание перехватило.

На опушку вышел Он. Исполинский, выше самых высоких елей. Вместо шерсти его ребристые бока обтягивала серая, потрескавшаяся кора, а из узкого черепа, лишённого глазниц, поднимались в ночное небо ветвистые рога из чистого, выбеленного временем костяка. Костяной Олень не издал ни звука, только склонил голову, глядя пустыми провалами глаз прямо на них. В этом взгляде не было ни злобы, ни жалости — лишь холодное, неизбежное предупреждение. Лес просыпался. И просыпался он голодным.

Резкий рывок за ворот рубахи заставил Миру отшатнуться.

Велена стояла вплотную. Старуха сорвала с собственной шеи тяжёлый, потемневший от времени серебряный медальон на толстой витой цепи и грубо, торопливо защёлкнула замок на шее ученицы. Холодный металл обжёг кожу под ключицей — как раз там, где у Миры с рождения темнело родимое пятно в форме полумесяца. Медальон словно врос в тело, став на миг тяжёлым, как мельничный жернов.

— Беги в избу, — прошипела Велена, с силой толкая Миру в плечи. — Запри дверь на засов, засыпь порог солью и не открывай до рассвета, даже если услышишь мой голос!

— А ты?! — вырвалось у Миры, голос сорвался на хрип. — Я не уйду, я помогу...

— Беги, кому сказано! — рявкнула старуха, и в глазах её сверкнула такая яростная, непреклонная сила, что Мира невольно отступила на шаг. — Кто-то должен задержать их на меже, пока ты не вырастешь. Иди!

Велена не стала ждать ответа. Она развернулась спиной к ученице, перехватила поудобнее костяной серп и шагнула вперёд — прямо навстречу сгущающейся между стволами тьме, где уже вспыхивали десятки мутных, налитых скверной глаз.

Мира стояла ещё мгновение, сжимая обжигающе холодный медальон на груди, а потом сорвалась с места и побежала по узкой тропе к избе, слыша за спиной, как закипает в ночи новый, последний бой старой ведьмы.

Глава 1. Горький корень и чёрная кровь

I

Утренний камень был скользким, как спина налима, и пах прелым мхом.

Мирослава вжала пальцы левой руки в узкую расщелину гранита, подтянулась, чувствуя, как гудят и наливаются свинцом предплечья. До рассвета оставалось от силы полчаса — самое межволчье, когда ночные твари уже забиваются в норы, а дневные ещё не вышли на тропу. Внизу, в трёх саженях под онучами, глухо ворочался седой туман, застилая чёрные пасти оврагов.

Ещё рывок. Сорвалась с края мелкая галька, застучала по уступам. Мира замерла, прижавшись щекой к ледяной породе — той самой, левой, где белел старый, стянувший кожу след от рысьего когтя. Под холщовой рубахой глухо стукнулся о ключицу тяжёлый серебряный медальон на витой цепи. Восемь лет он не снимался с её шеи, и восемь лет межа молчала, но привычка беречься въелась в кости крепче любого заговора.

Над самой головой, в расселине между двумя кривыми соснами, синел тугой стебель с мелкими, будто оплавленными листьями. Плакун-корень. На исходе лета в нём копится самая ядрёная горечь — та, что вытягивает гнилую горячку из лёгких и сворачивает дурную кровь.

Мира перехватила серп из тёмного, рябого метеоритного железа, зацепилась пяткой за крохотный выступ и потянулась вверх.

Острый мох под ногой предательски пополз.

Тело качнулось в пустоту, камень выскользнул из-под пальцев, ободрав кожу до мяса. Ветер свистнул в ушах. Мира не вскрикнула — некогда тратить воздух, — только резко выбросила правую руку, всаживая кривой клинок серпа в переплетение узловатых сосновых корней над расщелиной.

Железо со скрежетом вгрызлось в древесину. Рывок вывернул плечо до хруста в суставе, перед глазами поплыли багровые круги, но серп выдержал. Мира повисла над обрывом, раскачиваясь, вцепившись обеими руками в рукоять, и медленно, на одних жилах, подтянула себя обратно на уступ.

Дышала она тяжело, со свистом, чувствуя во рту солоноватый привкус. Выждав три удара пульса, она осторожно подрезала серпом тугой, узловатый корень плакуна, уложила его в берестяной туес за спиной и провела ободранной ладонью по серому граниту. На камне остался влажный бурый след.

— Бери, — тихо бросила она пустоте за спиной, где стеной стояли чёрные ели. — Долг уплачен.

Спуск занял вдвое меньше времени. Ноги сами находили опору в знакомых трещинах, а на земле Мира пошла спорым, размашистым шагом — вдоль пограничного частокола из рябины, мимо огорода с дурманом и волчьим лыком, прямо к срубленной из мореного дуба избе на Меже.

Калитка оказалась приоткрыта.

Мира сразу сбавила шаг. На мокрой от росы тропинке отпечатались широкие, расплывшиеся следы мужских лаптей — не её, её след узкий, лёгкий. Из-под навеса не донеслось привычного басовитого урчания: Бесхвостый, старый лесной кот с порванным ухом, ушёл на охоту, иначе ни одна живая душа не сунулась бы во двор безнаказанно.

Она бесшумно скользнула в сени, приоткрыла обитую войлоком дверь в горницу и замерла на пороге.

В полумраке, освещённом лишь тусклым светом из слюдяного оконца, у дальнего угла на коленях стояла баба Агафья из Гнилого Брода. Трясущимися руками она пыталась поддеть тяжёлой железной кочергой кованый замок на дубовом сундуке, где хранились готовые настойки и запечатанные склянки с ядами. На полу уже валялись разбросанные пучки сушёной полыни, а с полки съехал глиняный горшок с мазью от ломоты.

— Кочергу положи, — негромко сказала Мира. — А то руку отсушу.

Агафья взвизгнула, дёрнулась так, что чуть не опрокинула на себя полку с ретортами, и вскочила, занеся кочергу перед собой, будто рогатину на медведя. Лицо у бабы было серое, опухшее от слёз, платок сбился на затылок, обнажив седые пряди.

— Ведьма! — выдохнула она срывающимся голосом. — Прости, ради Христа, прости! Семён помирает! С ночи жаром горит, бредит, почернел весь, будто уголь! Всю мошну вытрясла, нет у меня серебра, одна медь ломаная, думала — возьму хоть малую склянку, потом отработаю...

Агафья шагнула вперёд, замахнувшись кочергой — от отчаяния и страха баба была способна на любую глупость.

Мира не стала отступать. Шагнула навстречу, ушла под неуклюжий замах, перехватила кисть Агафьи жёсткой, загрубевшей от земли ладонью и вывернула так, что железо со звоном грохнулось на половицы. Короткий толчок в плечо — и воровка впечаталась спиной в бревенчатую стену, задыхаясь и тараща глаза.

— Ещё раз сунешься в мой сундук — выпьешь вороньего глаза вместо микстуры, — ровно, без крика проговорила Мира, не разжимая пальцев. — Поняла?

— Поняла, поняла, отпусти, руки жжёшь! — запричитала Агафья, вжимаясь в брёвна.

Мира разжала хватку, отступила на шаг и достала из-за пазухи ключик на сыромятном ремешке. Щёлкнул замок. Из нутра сундука пахнуло резкой смесью камфоры, сушёной мяты и горького миндаля. Травница выудила узкий пузырёк тёмного стекла, заткнутый вощёной пробкой.

— Три капли на ковш ключевой воды, давать каждые два часа, — бросила она, поворачиваясь к бабе. — К вечеру жар спадёт.

Агафья потянулась за склянкой, но Мира убрала руку за спину.

— Гривенник серебром. Или два пуда сушёного мёда к Покрову. Даром я даже воду из колодца не черпаю — сама знаешь.

Баба заголосила было, но, наткнувшись на тяжёлый, немигающий взгляд травницы, торопливо полезла за пазуху, вытащила завязанный в тряпицу старый, потёртый серебряный полтинник и сунула в протянутую ладонь. Мира проверила монету на зуб, спрятала в поясной мешок и лишь тогда отдала пузырёк.

Схватив снадобье, Агафья кинулась к двери, но на самом пороге споткнулась, обернулась — и в глазах её мелькнул такой животный ужас, что Мира невольно нахмурилась.

— Не спасут твои травы никого, девка! — выкрикнула баба, уже перешагивая через порог. — Беги отсюда, пока жива! Вчерась трое лесорубов на дальнюю делянку ушли — ни один не воротился, только топоры их в крови да в чёрной слизи нашли! А нынче на рассвете со стороны тракта пыль столбом поднялась — княжеские всадники в деревню ворвались, все в железе, с мечами наголо! Твою избу спрашивали, ведьму искать велели!

Дверь хлопнула, и топот лаптей быстро затих на лесной тропе.

Мира осталась стоять посреди горницы. Серебряный полтинник приятно холодил ладонь, но радости от него не было никакой. Она медленно подошла к слюдяному оконцу, прислушалась. Со стороны Гнилого Брода, сквозь плотную стену утреннего тумана, доносился далёкий, тревожный звон набата — кто-то бил в железный рельс у околицы, часто и надрывно.

II

Набат оборвался на полуударе — и следом за ним лесную просеку вспорол тяжёлый, дробный топот копыт.

Лошади шли не рысью — неслись в карьер, выбивая из мёрзлой земли комья грязи и прошлогоднюю хвою. Захрустел под подковами сушняк, лязгнуло железо ножен о стремена, раздался хриплый, надсадный кашель всадника.

Мира не успела ни запереть сундук, ни смахнуть со стола сушёные корни. Зазвенела от удара деревянная щеколда — калитка распахнулась настежь, едва не сорвавшись с кованых петель. Во двор ввалились четверо конных в забрызганных грязью суконных кафтанах и потёртых кожаных доспехах. На загривке переднего гнедого коня вздулась мыльная пена, из ноздрей валил густой пар.

Второй всадник тащил за собой на притороченной к седлу волокуше нечто бесформенное, замотанное в рогожу. Оттуда, из-под грубой ткани, тянулся по тропе тёмный, жирный след — не алый, а буро-чёрный, пахнущий прелью и тухлым болотом.

Сотник спешился первым — спрыгнул с седла тяжело, но ловко, как человек, привыкший годами жить в железе. Высокий, широкоплечий, с резкими, будто вырубленными топором скулами и серо-стальными глазами, в которых сейчас плескалась одна лишь холодная ярость. На поясе висел длинный прямой меч с княжеским клеймом и туго набитый мешочек с серебряными оберегами.

Не разбирая дороги, он шагнул через грядку с беленой, плечом вышиб незапертую дверь в сени и встал на пороге горницы, заслонив собой весь дневной свет.

— Ты Мирослава? — голос у него был хриплый, сорванный долгим криком на ветру, без тени просительности — так отдают приказы перед строем. — Втаскивайте его! Живо!

Двое дружинников вволокли в горницу волокушу и грохнули её прямо на чистые, выскобленные добела половицы. Трое других остались в дверях, вскинув тяжёлые стальные арбалеты. Тетивы были взведены; тупые гранёные болты смотрели Мире точно в грудь.

— Откачаешь, — бросил сотник, не сводя с травницы тяжёлого взгляда. — На полчаса, на десять вдохов — мне всё равно. Он последний из тех, кто видел, что случилось с княжеским обозом у Чёртова Лога. Заговорит — получишь серебро. Сдохнет раньше, чем откроет рот — пойдёшь в Белый Острог на дыбу как пособница лесных разбойников.

Мира даже не покосилась на арбалеты. Медленно, с нарочитой ленцой она опустила крышку сундука, повернула ключ в замке и лишь тогда перевела взгляд на непрошеного гостя.

— Убери железо, — сказала она тихо. — В моей избе приказывать будешь, когда я в гробу лягу. Под прицелом у меня руки дрожат — перепутаю корень с беленой, и твой свидетель захлебнётся собственной желчью раньше, чем вдохнёт.

Сотник прищурился, желваки на скулах перекатились. Секунду он мерил её взглядом, оценивая — блефует девка или впрямь не боится смерти, — а потом коротко дёрнул подбородком:

— Опустить самострелы. Ждать во дворе.

— И сам выйди, — не отступила Мира, шагнув к печи. — Заслоняешь свет.

— Я останусь, — отрезал воин, положив ладонь на рукоять меча. — Считай, что я твой поручитель.

Спорить дальше не имело смысла — раненый на волокуше захрипел, заклокотал горлом так, будто внутри у него перекатывались мокрые камни. Мира схватила с шестка глиняную плошку с тлеющими углями, бросила сверху тугой пучок пересушенной полыни и швырнула плошку на порог, прямо под ноги замершим в дверях солдатам.

Густой, едкий, горький дым ударил в ноздри, заставляя дружинников закашляться и попятиться в сени. Мира ногой прикрыла дверь, отсекая их от горницы, и опустилась на колени рядом с волокушей.

Она откинула пропитанную чёрной слизью рогожу — и едва сдержала резкий выдох.

На досках лежал здоровенный, кряжистый мужик в разорванном тулупе — лесоруб Прохор, который ещё три дня назад заходил на Межу за мазью от поясницы. Теперь его было не узнать. Кожа на шее и открытой груди натянулась до блеска, стала серой, как пепел, а под ней, словно живые черви, шевелились и пульсировали вздутые, чёрные как смоль жилы. Из рваной раны на плече не текла кровь — сочилась густая, тягучая сукровица.

Мира приложила тыльную сторону ладони ко лбу раненого. Кожа жгла, будто раскалённый кирпич, но пальцы его были ледяными, как у покойника.

— Чёрная гниль, — шепнула она себе под нос, чувствуя, как по позвоночнику пополз холодок. Сто лет её не видели на Меже. Велена говорила о ней только шёпотом, в глухую полночь, закрывая ставни.

Она наклонилась ниже, раздвинула пальцами веки лесоруба.

Зрачков не было. Весь глаз — от края до края — затянула непроглядная, маслянистая чернота, без единого просвета белка.

— Не спасти его, — бросила Мира через плечо, уже тянясь к поясу за серебряным ножом, чтобы вскрыть нарыв и спустить отравленную сукровицу. — Поздно привезли. В нём от человека только оболочка осталась.

— Врёшь, — глухо отозвался сотник. — Он дышит. Вскрывай.

Едва тусклое лезвие серебряного ножа коснулось вздувшейся чёрной жилы на шее лесоруба, тело на волокуше выгнулось дугой.

Раздался сухой треск — толстые сыромятные ремни, которыми дружинники стянули раненому руки, лопнули, словно гнилые нитки. Прохор не закричал — из его глотки вырвался низкий, утробный рык, больше похожий на храп разъярённого секача. С невероятной, нечеловеческой скоростью он вскинулся на колени, сбил Миру плечом в сторону и бросился на стоявшего ближе всех сотника.

Воин успел дёрнуться, но теснота горницы сыграла против него — длинный меч не выхватить. Одержимый лесоруб впечатал его спиной в притолоку и с глухим хрустом сомкнул пожелтевшие, вымазанные чёрной пеной зубы на левом предплечье сотника, прокусив толстое сукно кафтана и кожаный наруч до самой кости.

III

Хрустнула толстая дублёная кожа наруча, и сквозь порванное сукно брызнула тёмная, почти чёрная кровь.

Сотник не закричал — только коротко, сквозь стиснутые зубы выдохнул воздух и врезал свободной рукой в висок вцепившемуся в него Прохору. Удар вышел тяжёлым, кулак в железной перчатке гулко стукнул по черепу, но одержимый даже не моргнул. Дёрнув головой, как пёс, рвущий сырое мясо, он оторвал лоскут рукава вместе с кожей и швырнул воина через всю горницу.

Сотник грохнулся спиной о побелённый бок русской печи. Посыпалась сухая глина, звякнули на полке глиняные кринки, одна сорвалась и раскололась о половицы, разбрызгав густое тёмное масло.

Не теряя ни мгновения, Прохор развернулся к Мире. Изо рта его текла вязкая чёрная слюна, в провалах глаз не осталось ничего человеческого — только слепой, голодный голод скверны. Тварь прыгнула через опрокинутую волокушу, вытянув скрюченные, почерневшие пальцы прямо к её горлу.

Мира не стала пятиться к стене — там верная смерть. Она упала на колени, проскользнула под самыми руками чудовища, чувствуя, как от его тела несет ледяным могильным холодом и тухлой тиной, перекатилась к шестку и вскочила, схватив ухват обеими руками.

На углях в печи доходил тяжёлый чугунный котёл с щелочным взваром из золы, чистотела и волчьего лыка — для вытравливания бородавок и старых струпьев. Кипел он густо, пузырился.

Прохор уже разворачивался, занося лапу для удара наотмашь. Мира подцепила ухватом дужку чугунка, рванула на себя с такой силой, что затрещали плечевые связки, и опрокинула кипящее варево прямо на грудь и морду твари.

Раздался жуткий, булькающий визг. Кипяток с шипением вгрызся в серую, натянутую кожу; повалил едкий пар, воняющий палёным мясом и горелой травой. Одержимый зашатался, замахал руками, ослеплённый, сдирая с лица сползающую лоскутами плоть.

И тут из-за печи поднялся сотник.

Лицо его побелело от боли, левая рука безвольно висела вдоль бока, заливая сапоги кровью, но правая уже вытянула из ножен длинный прямой меч. Шаг — быстрый, слитный, без замаха. Сталь со свистом рассекла пропитанный дымом воздух.

Глухой удар. Голова Прохора отлетела к порогу, стукнулась о косяк, а обезглавленное тело ещё секунду стояло на ногах, судорожно сжимая кулаки, прежде чем рухнуть на половицы.

Но крови не хлынуло. На глазах у замерших людей срез на шее покойника зашипел, пошёл чёрными пузырями, и вся туша — вместе с оторванной головой — начала стремительно оседать, рассыпаясь в мелкий, жирный, смрадный прах. Через три вдоха на досках осталась лишь куча чёрной сажи, воняющей гнилой хвоей, да разорванный тулуп.

Дверь из сеней распахнулась с треском. На порог ввалились трое дружинников с взведёнными арбалетами наперевес, задыхаясь от полынного дыма. Увидев окровавленного командира с обнажённым мечом, кучу чёрного пепла на полу и травницу с серебряным ножом у печи, передний солдат рявкнул:

— Клади железо, ведьма! Пристрелю на месте!

— Отставить! — рявкнул сотник так, что зазвенела посуда на полках. Он убрал меч в ножны одним резким движением, хотя от толчка по его лицу прошла судорога. — Вон все! К коням! Ни шагу в избу без моего зова!

— Господин сотник, да у вас рука... — начал было десятник, косясь на чёрные подтёки на кафтане командира.

— Я сказал — вон! — голос воина упал до опасного, хриплого шёпота. — Кто сунется — разжалую и сгною в кандалах. Закрыть дверь!

Дружинники переглянулись, но спорить не посмели — попятились в сени и плотно притворили обитую войлоком створку.

Едва защёлкнулась щеколда, сотник глухо застонал, привалившись спиной к бревенчатой стене, и медленно сполз на дубовую лавку. Он рванул здоровой рукой порванный рукав, срывая его до самого плеча.

Мира шагнула ближе, пригляделась — и губы её сжались в тонкую белую нитку.

Рваная рана на предплечье почти не кровоточила. Края её уже почернели, вздулись, а от укуса вверх, к локтю и дальше к плечу, прямо под кожей ползли тонкие, ветвистые чёрные прожилки — словно корни ядовитого плюща прорастали сквозь живую плоть.

Не успела она отступить к полкам, как железная хватка сомкнулась на её запястье. Сотник перехватил её здоровой правой рукой — пальцы его жгли огнём, но держали мёртво, не вырваться.

— Лечи, — выдохнул он, глядя ей прямо в глаза из-под нахмуренных бровей. В серой стали его взгляда не было ни страха, ни мольбы — только упрямая, звериная воля человека, который не привык проигрывать даже смерти. — Ты знаешь, что это. Видел по глазам. Лечи.

Мира не стала вырываться — только смерила его холодным, оценивающим взглядом.

— Это Чёрная гниль, сотник, — сказала она тихо, без жалости. — Она не лечится. До полудня дойдёт до сердца — и к закату твои же солдаты зарубят тебя на этой самой лавке, как Прохора.

Хватка на её руке сжалась ещё сильнее, до хруста в костях.

— Ты знаешь, как её остановить, — прохрипел воин. — Иначе не взялась бы за нож. Говори цену.

— Серебром тут не откупишься, — Мира наклонилась ближе, чувствуя, как от его тела уже тянет тем же ледяным, гнилостным духом. — Я могу сварить взвар из плакун-корня, крови ворона и пепельника. Он запечатает заразу в руке на пару дней, не даст ей дойти до сердца. Но взвар этот — чистый яд. Если твоя кровь окажется слабее скверны, ты умрёшь в судорогах через полчаса, захлебнувшись собственной кровью. А если выдержишь — будешь моим должником, пока не найдём корень этой заразы. Либо пьёшь, либо выходи к своим и приказывай рубить руку по плечо, пока ещё можешь говорить. Решай.

IV

— Вари, — коротко бросил сотник, разжимая пальцы на её запястье. — Я согласен.

Глухая полночь обрушилась на Межу тяжёлым, душным маревом.

Снаружи, за толстыми дубовыми ставнями, стонали под ветром верхушки елей, но в горнице стояла такая духота, что к коже липла холщовая рубаха. На шестке, в глиняной ступке, Мира в последний раз провернула пестиком кашицу из свежего плакун-корня, толчёного пепельника и алого мха — крови ворона. Потом, не моргнув, полоснула костяным ножом по собственной левой ладони и выдавила в зелье три тяжёлые капли. По Закону Равноценного Обмена иначе было нельзя: чужую смерть выкупают только своей болью.

В очаге добела раскалилось широкое лезвие ножа.

Сотник лежал на лавке без кафтана и рубахи. Мощная, в старых белых шрамах от сабель и стрел грудь ходила тяжело, со свистом. Чёрные жилы уже переползли за локоть, впиваясь ветвистыми щупальцами в плечо.

— Держись за край доски, — велела Мира, выхватывая из углей пышущий жаром клинок. — Закричишь — прикусишь язык.

Она не стала медлить. Вонзила раскалённую сталь прямо в центр вздувшегося укуса, глубоко, до самой кости, выпуская наружу скопившуюся ядовитую сукровицу.

Зашипела плоть, по горнице поплыл тошнотворный запах палёного мяса и гнилой тины. Сотник не издал ни звука — только челюсти его сжались так, что заходили желваки, а пальцы впились в край дубовой лавки, оставляя в дереве глубокие вмятины. Из разреза хлынула густая, чёрная, как дёготь, жижа.

Не давая ране затянуться, Мира схватила глиняную кружку с ещё дымящимся, горьким варевом, приподняла голову воина и влила обжигающую жидкость ему в рот.

— Глотай, — приказала она, зажимая ему подбородок, чтобы не выплюнул. — До дна!

Первый судорожный глоток прошёл с трудом. Второй заставил тело воина выгнуться дугой.

Лихорадка ударила мгновенно. Сотника затрясло так, что заходили ходуном толстые половицы. Он дёрнулся в сторону, слепо взмахнул здоровой рукой — и с грохотом снёс дубовый стол. На пол посыпались склянки, с треском раскололся глиняный горшок, по доскам разлилась мутная настойка белены.

— Куда!.. — выдохнула Мира, бросаясь следом и наваливаясь всем телом ему на грудь, чтобы не дал себе разбить голову о печь.

В бреду он не узнавал её. Горячие, как раскалённые камни, ладони сомкнулись на плечах травницы с такой чудовищной, нечеловеческой силой, что захрустели ключицы. Её прижало к его пышущей жаром груди; в нос ударил запах пота, железа и ледяной болотной гнили, рвущейся из-под кожи.

— Пусти, дурак, задушишь... — прохрипела Мира, не пытаясь вырваться — бесполезно, сломает рёбра.

Вместо этого она прижала окровавленную левую ладонь прямо к его обожжённому предплечью, закрыла глаза и прошептала старый, тягучий заговор корней — тот самый, которому учила Велена перед смертью.

Отдача ударила под дых, словно удар кованого сапога.

Ледяной, колючий холод скверны хлынул из его вен прямо в её руку, обжигая жилы, поднимаясь к плечу и затылку. В висках застучали тяжёлые молоты, перед глазами поплыли багровые круги, к горлу подкатила сладковатая тошнота. Мира стиснула зубы, перетягивая чёрный жар на себя, пропуская его сквозь собственную кровь, гася его горечью плакун-корня.

Из носа хлынула горячая кровь, заливая губы и подбородок, капая на его грудь. Дышать стало нечем — будто в лёгкие насыпали битого стекла. Но она не отняла руку, держала до последнего, пока дикая дрожь под ней не начала стихать, сменяясь тяжёлым, прерывистым хрипом.

Только перед самым рассветом судороги отпустили.

Мира свалилась с лавки на колени, упёрлась руками в мокрый от разлитых настоек пол и долго, со свистом глотала воздух, утирая рукавом залитое кровью лицо. В горнице стояла мёртвая тишина, лишь трещала догорающая в светце лучина.

Она с трудом поднялась на ноги и склонилась над сотником.

Чёрные жилы на его руке больше не ползли. Они замерли ровно на сгибе локтя, стянувшись в тугой, багрово-синий узел, словно наткнулись на невидимую стену. Яд не ушёл — он лишь затаился, запертый её кровью и горечью корня на два, от силы три дня.

Веки воина дрогнули. Серо-стальные глаза открылись — мутные, провалившиеся в тёмные круги, но ясные. Он обвёл взглядом разгромленную горницу, остановился на её бледном, перемазанном кровью лице и с трудом разлепил пересохшие губы:

— Я жив.

— Не надолго, если не найдём корень этой дряни, — глухо отозвалась Мира, приваливаясь спиной к печи. Каждая кость в теле ныла, будто её всю ночь били цепами. — Кто вас так в Чёртовом Логу? Зверь?

Сотник медленно покачал головой. Пальцы его здоровой руки сжались в кулак на краю лавки.

— Не звери, травница, — прохрипел он, и в голосе его прозвучала глухая, тяжёлая ярость. — Люди. Наши же лесорубы и пропавшие обозники. Только без разума, с чёрными глазами... Они не боялись ни стали, ни огня. Шли на мечи молча, пока не перебили половину моего десятка.

Мира хотела ответить, но не успела.

Со стороны Гнилого Брода, разрывая тишину раннего утра, протяжно, надрывно завыл набатный колокол. Били часто, в три удара — так звонили только при большой беде или приходе царских людей.

И в ту же секунду с глухим звоном разлетелось слюдяное оконце.

На половицы упал увесистый речной голыш, обмотанный серым полотняным лоскутом. Мира метнулась к порогу, рывком сорвала тряпицу, развернула кривой обрывок бересты, исписанный корявыми, торопливыми буквами — почерком Дуняши.

«Беги в чащу, Мира! В деревню на рассвете вошли чёрные всадники с огненными крестами. Инквизиция. Староста Игнат поклялся на кресте, что вся порча из твоей избы идёт. Они уже седлают коней, чтобы жечь Межу».

Глава 2. Огонь и пепел Белого Острога

I

Медный набат бил в виски тяжёлыми, рваными ударами, будто кто-то засел в самой черепной коробке и колотил молотом по наковальне.

Ратмир стиснул зубы, затягивая ремень портупеи здоровой правой рукой. Левая, туго спелёнатая пропитанными горькой мазью полотняными бинтами, ныла тупо, глухо — словно вместо костей в предплечье залили расплавленный свинец. Но чернь под кожей остановилась. Он проверил сам, прежде чем накинуть кафтан: багровый узел у локтя не двинулся ни на пядь. Девка не соврала.

— Собирайся, — бросил он через плечо Мире, уже толкая ногой дверь в сени. — Уложи в суму всё, что нужно для варки. И не вздумай бежать в чащу одна — без моего слова тебя в Остроге на первом же суку вздёрнут.

Ответа он ждать не стал. Выскочил на крыльцо, вдохнул полной грудью сырой утренний воздух, пахнущий мокрой хвоей и дымом. Трое уцелевших дружинников уже держали коней под уздцы у частокола — лица у парней были серые, невыспавшиеся, руки сжимали древки копий до белых костяшек.

— В седло! — рявкнул Ратмир, легко, несмотря на покалеченную руку, забрасывая тело на спину своего гнедого.— На рысях в деревню!

Кони рванули с места, выбрасывая из-под подков комья прелой листвы. Спуск по лесной дороге занял от силы полчетверти часа. Чем ближе к околице, тем гуще тянуло гарью — не печным дымком, а едким, жирным чадом жжёного тряпья и смолы.

Гнилой Брод бурлил, как разворошённый муравейник.

Посреди грязной площади, прямо перед крыльцом старостиной избы, уже полыхал высокий костёр. Двое рослых воинов в белых, забрызганных дорожной слякотью плащах с вышитыми на груди алыми языками пламени тащили из амбара охапки соломы и старые берестяные туеса, швыряя их в огонь. Остальные десятка полтора меченосцев Ордена Очищающего Пламени сгоняли мужиков к глухой стене амбара, подталкивая замешкавшихся древками алебард и коваными сапогами. Бабы голосили у плетней, прижимая к себе ребятишек.

У самого огня, заложив сухие руки за спину, стоял высокий, худой как жердь человек с непокрытой головой. Редкие пепельные волосы обрамляли узкое, аскетичное лицо с впалыми щеками и острым, хищным носом.

Ратмир осадил коня прямо поперёк дороги, ведущей от площади к лесной тропе на Межу. Его трое дружинников выстроились следом, перекрывая проезд крупами лошадей.

— Именем князя Северной Велеси! — голос сотника прорезал бабий вой и треск костра, заставив меченосцев разом обернуться и схватиться за рукояти мечей. — Кто позволил чинить расправу в государевой волости без ведома наместника?!

Худой человек обернулся медленно. Движения его были плавными, почти ленивыми, но в глубоко посаженных тёмных глазах горел такой ровный, фанатичный огонь, от которого по спине пробегал холодок.

— Свет храни тебя, воин, — произнёс он тихо, вкрадчиво — и странное дело: его негромкий голос перекрыл шум площади лучше любого крика. — Я отец Серафим, посланник престола Очищающего Пламени. Мы не чиним расправу, сын мой. Мы выжигаем заразу, прежде чем она сожрёт этот край.

Рядом с инквизитором засуетился, кланяясь в пояс и мелко крестясь, староста Игнат — рыхлый, с бегающими глазками мужик в расстёгнутом полушубке.

— Так точно, господин сотник, свет-батюшка Серафим правду глаголет! — затараторил он, косясь на Ратмира со смесью страха и заискивания. — С самой весны житья нет! Скот дохнет, мужики в лесу пропадают, вчерась троих лесорубов порвало — чисто звери лютые! А всё она, подкидыш ведьмин с Межи! Вся деревня знает: по ночам с нечистью якшается, травы ядовитые варит, порчу наводит!

Ратмир даже не взглянул на старосту — смотрел только на Серафима.

— В этой волости идёт княжеский сыск, святой отец, — ровно, чеканя каждое слово, отрезал сотник. — Пропал казённый обоз с серебром, побиты люди дружины. Травница с Межи нужна мне живой и целой — она единственная, кто знает тропы в Чёрном лесу и видела раненого умирающим.

Уголки тонких, бескровных губ Серафима едва заметно дрогнули. Он сделал шаг вперёд, вплотную к морде гнедого коня, совершенно не боясь, что зверь ударит копытом.

— Мёртвые не свидетельствуют, сотник, — мягко возразил инквизитор. — А эта девка уже мертва душой. Чёрный лес — гнойник на теле земли, а она — его жало. Сегодня на закате мы войдём под кроны с огнём и молитвой, чтобы выжечь корни скверны дотла. Но прежде — очистим порог.

Он поднял худую руку, подавая знак своим людям.

— Пятеро — к избе на Меже! Взять ведьму живьём, связать рябиновыми прутьями и доставить сюда. Огонь для неё уже готов.

Двое меченосцев шагнули было к коням, но лязг выхваченной из ножен стали заставил их замереть на месте.

Ратмир держал длинный княжеский меч на весу здоровой рукой — острие смотрело точно в горло переднему фанатику.

— Первый, кто тронет поводья без моего приказа, ляжет здесь же, — глухо произнёс сотник. Внутри у него всё сжалось в тугой узел: в руке снова дёрнуло тупой, горячей болью, напоминая о яде, запертом у локтя. Два дня. У него было всего два дня, пока варево травницы сдерживало Чёрную гниль. Если Серафим бросит девку в костёр — через сорок восемь часов сдохнет и сам Ратмир, и вся его дружина так и не узнает, кто вырезал обоз. — Травница под моим арестом. И заберу её я.

Серафим замер. На миг в его глазах вспыхнула холодная, беспощадная ярость, но он тут же погасил её, снова сложив руки в широких рукавах плаща.

— Гордыня ослепляет даже верных слуг князя, — тихо проговорил он. — Что ж, сотник, забирай свою пленницу. Только помни: от огня Единого Света не укрыться ни в каменных стенах, ни в звериной норе. Мы встретимся у корней Пущи.

Он отступил в сторону, освобождая дорогу. Ратмир не стал опускать меч, пока его люди не развернули коней и не тронулись рысью обратно к лесной тропе. Спиной он чувствовал тяжёлый, немигающий взгляд инквизитора — и понимал, что счёт пошёл на часы.

II

Дальний лай борзых, хриплый и злой, разорвал утреннюю тишину раньше, чем затихли подковы сотникова отряда.

Мирослава не стала дожидаться, чем кончится разговор на площади. Стоит Серафиму прознать о раненом дружиннике или увидеть чёрную жижу на волокуше — и на Межу полетят не пятеро, а вся свора. А с отцом Серафимом не договоришься ни серебром, ни травами: таких не берёт ни жалость, ни страх, только калёное железо.

Движения её были отточены годами одинокой жизни — ни одного лишнего шага.

Она рванула крышку сундука, выхватила со дна завёрнутый в промасленную кожу рукописный Травник Велены и уложила его на самое дно берестяного короба. Следом полетели туеса с сушёным плакун-корнем, пепельником, толчёным прахом серых костей и плотно запечатанные глиняные склянки с ядами. Костяной нож и серп из метеоритного железа легли в поясные ножны, тяжёлый мешочек с накопленным серебром — за пазуху, под самый медальон, который сейчас неприятно жёг кожу под ключицей, будто чуял беду.

На чердаке глухо мяукнул Бесхвостый — коротко, предупреждающе.

— Уходи через слуховое, старый, — бросила Мира наверх, затягивая ремни короба на плечах. — В лесу встретимся.

С тропы уже доносился тяжёлый, дробный перестук множества копыт и яростный, захлёбывающийся лай псов, взявших свежий след. Они шли быстро — слишком быстро. Значит, староста Игнат сам ведёт, сука продажная, знает короткую стежку через ольшаник.

Мира схватила с печной полки две тугие связки пересушенного болотного багульника и швырнула их прямо в раскалённые угли очага, прикрыв заслонку лишь наполовину, чтобы тяга пошла в горницу.

Трава вспыхнула без пламени — сразу повалил густой, тяжёлый, сладковато-удушливый дым. От одного вдоха такого чада закружится голова, заслезятся глаза, а через полминуты начнутся рвота и судороги. Для неё самой багульник был привычен, но непривычным городским глоткам хватит за глаза.

Не оглядываясь на избу, в которой прожила всю жизнь, Мира рванула засов чёрного хода, выходящего прямо к зарослям орешника и рябиновому частоколу.

Воздух снаружи ударил в лицо сырой прохладой. До спасительной стены вековых елей оставалось шагов тридцать — пересечь грядки с волчьим лыком, нырнуть в узкий лаз между валунами, и там, под кронами, пусть ищут ветра в поле.

Но едва она перемахнула через низкий плетень огорода, из-за угла избы с грохотом вылетели трое всадников в белых плащах с алыми крестами.

— Вот она! Держи ведьму! — рявкнул передний — рослый, широкоплечий фанатик с рассечённой через бровь физиономией и тяжёлым двуручным мечом за спиной. Брат Василий, правая рука Серафима — о его жестокости шептались даже в Остроге.

Конь его, огромный вороной жеребец, прижал уши и пошёл прямо на Миру, намереваясь сбить с ног и втоптать в грязные грядки. Справа из-за кустов выскочили две здоровенные, пегие от пены борзые, скаля клыки в беззвучном прыжке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.